

«ПОКА МЫ ПРОДАЕМ НЕФТЬ, НАШ ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЛЕЖИТ В АРХИВАХ»

Основатель и руководитель проекта «В поисках утраченного ковчега» — первого в России дизайн-бюро орнаментальных решений, исследователь предметной идентичности и русского орнаментального наследия — Анастасия Андреевская о том, как рождаются вещи с культурной биографией, и о новых возможностях для русского виртуального экспорта.

МОЙ муж — датчанин. Дания — страна, которая, будучи сравнимой по численности населения с Петербургом, умеет говорить о себе так, что весь мир слушает. Муж часто повторяет с искренней гордостью: «У нас есть Lego, есть Joe & The Juice, есть Danfoss и Grundfos, есть ЕССО — всё это знают по всему миру. Мы маленькое государство, но продаем миру идеи, технологии, вкус, стиль. А Россия? Россия продает нефть, газ и металл. А что вы предъявляете сами от себя?» Мне каждый раз обидно. Потому что за кадром остается то, что не поддается быстрому подсчету. Россия дала миру величайшие образцы искусства, живописи, литературы, архитектуры, музыки, балета. Россия создала одну из богатейших визуальных культур в мире, просто мы, возможно, не научились ее предъявлять.

Матрешка — это не весь ответ

Когда иностранец думает о русском визуальном стиле, в голову приходит одно и то же: хохлома, матрешка, павловопосадский платок, узнаваемые мотивы русского фарфора. Все это, безусловно, подлинные и красивые явления. Но они давно стали узнаваемым сувенирным образом, не требующим никакого усилия для понимания. Между тем за этим фасадом существует гораздо более широкий пласт русской визуальной культуры: сложный, интеллектуальный и до сих пор мало освоенный современным дизайном. Это мир рукописной орнаментики, книжной графики, церковного искусства, текстильных традиций, декоративных ремесел и многих других явлений, которые пока остаются известны главным образом специалистам.

Один из таких примеров — орнаментика гуслицких рукописей, или рукописных книг XVII–XIX веков. Гуслицкие рукописи — это певческие книги, созданные в районе реки Гуслицы на востоке Подмосковья, которые представляют собой визуальную систему удивительной последовательности и глубины. Это не просто набор декоративных элементов, это скорее язык, в котором исследователи и хранители традиции видят отражение представлений о мире, вере и порядке вещей тех времен. Именно с этим материалом я работаю в своем проекте «В поисках утраченного ковчега». И именно здесь, как мне кажется,

предоставлено авторами проекта «В поисках утраченного ковчега».

ся, находится одна из недооцененных возможностей для русского визуального экспорта — направления, которое пока остается скорее исключением, чем устойчивой практикой.

Как выглядит работа с источником

Все начинается в архивах. Не в переносном смысле, а буквально. Первой точкой для нас стал Пушкинский Дом в Петербурге, где хранится серьезное собрание гуслицких рукописей. Потом мы с моим

предоставлено авторами проекта «В поисках утраченного ковчега».

дизайнером отправились в Москву, в Румянцевский зал отдела рукописей Российской государственной библиотеки в том самом Доме Пашкова над Боровицким холмом. Попасть туда непросто: разрешение на работу с фондами обычно получают студенты, пишущие квалификационные работы, или ученые. Я не студент и не ученый. Пришлось писать официальное отношение, договариваться с заведующей отделом. Как-то получилось. Нам выкатили тележку с рукописями. Белые перчатки, деревянные резные шкафы, тишина читального зала. Фотографировать нельзя, только смотреть, выписывать инвентарные номера страниц, формировать заказ на последующее сканирование. Это медленная, кропотливая работа. Именно такая, какой она и должна быть, если хочешь понять источник, а не просто вдохновиться картинкой из интернета. Потом был Егорьевск, краеведческий музей, который считает себя главным хранителем гуслицкой традиции. Стены там расписаны в гуслицком стиле:ходишь и сразу понимаешь, что это не стилизация, а живая память места. После мы отправились в Гуслицкий монастырь и село Ильинский Погост, где директор местной школы открыл небольшой музей прямо в школьных стенах. Маленький, самодельный и совершенно пронзительный. Все это — не антуражные поездочки. Они становились способом понять орнамент не как мотив, а как систему с ее собственной логикой, грамматикой, внутренними смыслами.

предоставлено авторами проекта «В поисках утраченного ковчега».

От рукописи — к столу

Из этой системы рождаются предметы. Фарфор — костяной, сдеколью или ручной росписью. Текстиль. Печатная продукция. Но принцип один: каждый предмет создается не по вдохновению с Pinterest, а на основе работы с первоисточником, которому триста лет. Когда мы делали эскизы для бара в петербургском отеле Four Seasons Lion Palace St. Petersburg, мы специально изучали дом Лобанова-Ростовского, архитектуру здания, декоративные элементы, лепнину на потолке. И только потом создавали орнамент, который вступает в разговор именно с этим местом.

Не просто эксклюзивный фарфор, а предмет с живой связью с пространством, в котором он существует. Именно в этом принципиальное отличие от того, что обычно понимают под «дизайном в русском стиле». Мы не берем готовый орнамент и не переносим его на кружку. Мы работаем с источником как с языком и переводим его на язык современного предмета. Такие вещи не вписываются в короткий потребительский цикл. Они рассчитаны на долгую жизнь, на сохранение, на передачу. Ближе к семейной реликвии, чем к тиражному изделию. И именно это делает их

предоставлено авторами проекта «В поисках утраченного ковчега».

интересными для премиального сегмента и в России, и за ее пределами.

Почему получится у нас, если получилось у Dolce & Gabbana Скандинавия экспортирует минимализм. Япония — эстетику ваби-саби. Италия — представление о том, как должен выглядеть стол, за которым хочется сидеть долго. Dolce & Gabbana строят империю на кричащей, почти китчевой яркости, и это работает, потому что за яркостью стоит последовательная эстетическая позиция. Все это культурная дипломатия через предметный мир. Она не декларируется в речах и не финансируется через гранты. Она просто существует в вещах, в интерьерах, в сервировке стола. И формирует образ страны точнее, чем любые официальные нарративы.

предоставлено авторами проекта «В поисках утраченного ковчега».

За последние годы интерес к культурному наследию в России заметно вырос. С ним работают музеи, реставраторы, издательские проекты, отдельные художники и дизайнеры. У нас есть мастерицы, работающие на уровне лучших европейских ремесленных школ. Но пока эти усилия редко складываются в узнаваемый международный визуальный язык, сопоставимый по силе с тем, что удалось создать Италии, Японии или Скандинавии. Мне кажется, нам не хватает дизайна как категории мышления, то есть умения выстроить из этого богатства стильный, современный предметный язык, а не кич, не пафос и не дешевую сувенирную продукцию.

В целом процесс только начинается, и тем интереснее искать собственный путь внутри него, не повторяя уже существующие решения, а предлагая новые способы разговора с традицией. Мне бы хотелось преодолеть разрыв между силой материала и слабостью его оформления. Взять орнамент с трехсотлетней историей и дать ему современное прочтение. Не реконструкцию, не стилизацию, а живое продолжение разговора, который начался в XVII веке.

Про то, чего нам не дают, и что мы можем сами

Было бы наивно не замечать: путь российских культурных продуктов на мировой рынок сегодня непрост. Не потому что их нет или они недостаточно хороши, а по причинам, которые к качеству не имеют никакого отношения. Это данность, скоторой приходится работать. Но есть то, что не зависит от внешних обстоятельств. Можно прямо сейчас создавать предметы с настоящей культурной биографией. Можно выстраивать язык, который будет понятен и в петербургском отеле, и на вилле на озере Маджоре. Можно доказывать делом, а не словами, что русский визуальный код существует, что он сложен, что он красив и что он способен говорить с миром.

Когда я путешествую с мужем и оказываюсь в новом месте — будь то в старинном отеле или в ресторане с историей — уже вижу, каким мог бы быть орнамент для их фарфора. Как он мог бы разговаривать с архитектурой их виллы, с лепниной их потолков. Этот подход — укорененность в месте, в истории, в подлинном источнике — работает везде. Не только с русским материалом. Россия умеет создавать вещи с историей. Осталось научиться их предъявлять.

Конечно, я не первая, кто обращается к русскому наследию как к источнику для современного дизайна. Но мне кажется важным продолжать этот разговор именно через предметный мир: через вещи, которые становятся частью повседневной жизни и позволяют культурной памяти существовать не только в музее, но и за семейным столом.

Гуслицкий мастер XVII века, создавая орнамент, не думал о сохранении традиции. Он думал о том, как устроен мир, и находил для этого визуальную форму. Я думаю о том же. Не о реконструкции прошлого, а о продолжении разговора, который в нем начался. На новых предметах, в новых пространствах, для нового читателя. И пусть мой муж-датчанин однажды скажет: «А, это русское. Я знаю, что это такое».